

© 2017 г.

С.Е. ПАУЛСОН (США)

АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ О ЖИЗНИ В ПЕТЕРБУРГЕ XIX века

Воспоминания, дневники и письма дипломатов в большинстве случаев являются источниками, которые содержат многоплановую, разностороннюю информацию, представляющую безусловную ценность для исследователей международных отношений: это портреты политических деятелей, подробности дипломатических встреч и переговоров. Вместе с тем в них подчас находят отражение быт и нравы эпохи, важные для историков повседневности. Сотрудники дипломатических миссий оставляли не только записи о своей работе за границей, но и зарисовки местной жизни и традиций, сообщая о бытовых мелочах на родину близким. Нередко они обращали внимание на те стороны повседневной жизни, которых носители местных культурных традиций просто не замечали.

Специалисту по истории Петербурга XIX в. мемуары и письма дипломатов могут служить своеобразной энциклопедией. Особенно любопытны мемуары американцев: в монархическом государстве для граждан республики многое было в новинку, и свои необычные впечатления они спешили записать. Необходимо отметить, что некоторые представители США приезжали в город на Неве вместе с женами, которые не только сопровождали их на приемы в царский дворец, но и отвечали за бытовое обустройство дипмиссии, заводили знакомства среди русских, участвовали в благотворительной деятельности и вели собственные дневники. Попробуем рассмотреть, какие подробности в копилку знаний о петербургских реалиях XIX в. вносят воспоминания и дневники американских дипломатов и их жен.

Взявшись за описание Петербурга, русский автор, как правило, спешил запечатлеть общую атмосферу столицы, ее кипучую жизнь, неповторимый облик улиц и площадей. Именно по этому принципу, обращая взор к уличной панораме, составил в 1818 г. путеводитель по Петербургу П. Л. Яковлев. «Я... вхожу в “Лондон” (отель. — С.Л.)... Нанимаю номер, на одном стуле кладу палку, на другом — шляпу; бросаю на стол свои бумаги и карандаш и сажусь под окном... — пишет он. — Итак, сижу у окна и смотрю на Адмиралтейство, на бульвар, на экипажи, на пешеходов. Какой шум! Какая деятельность! Вот тут бы очень хорошо сравнить все, что теперь вижу, с вечной тишиной и единообразием маленьких городков»¹. С особой гордостью, подобно многим русским мемуаристам, рассказывает Яковлев о новых зданиях и памятниках, о том, как у строительных лесов в центре столицы собираются толпы любопытствующих.

Для дипломатов из США петербургская культурная среда была чужой, и творения Воронихина или Растрелли занимали их куда меньше, чем архитектура «бытовая», к примеру, гостиница. О гостиницах они оставили весьма яркие, эмоциональ-

Паулсон Светлана Евгеньевна — Ph.D. по истории, Professor of History, Университет Южного Арканзаса. (США).

¹ *Яковлев П. Л.* Чувствительное путешествие по Невскому проспекту. — Чувствительные путешествия и прогулки по Невскому проспекту. Сост. А. М. Конечный. СПб., 2009, с. 29.

ные воспоминания с деталями, которые могут служить серьезным дополнением к тем, что сделали русские авторы. Побывав в «Лондоне», Яковлев, например, сообщил о видах из окна номера, но об условиях проживания промолчал. О том, как жили постояльцам петербургских гостиниц на рубеже первого и второго десятилетий XIX в., повествуют дневники Джона Квинси Адамса, представлявшего США в России в 1810–1813 гг. Посланник снял в «Лондоне» пять комнат: для своей семьи и двух своих помощников. Апартаменты, по его мнению, оказались «никакими»². А его жену Луизу они и вовсе повергли в ужас: в «каменной дыре» обнаружили крысы. Члены миссии США решили переехать в «Бордо» – гостиницу, где часто селились иностранные дипломаты, но и там оказалось не лучше: мебель, будто из лавки старьевщика, и такие тонкие, словно бумажные стены, что постояльцы знали друг о друге практически всё³.

Неудивительно, что сотрудники миссии США в гостиницах не задерживались – искали съемное жилье. Однако из-за высоких цен устроиться с комфортом, да еще и в хорошем районе удавалось редким счастливицам. К их числу принадлежала семья посланника Джорджа Ван Несс Лотропа, в 1886 г. поселившаяся на Дворцовой набережной, в доме номер 12. Особняк располагался напротив Петропавловской крепости. «Местоположение дома просто восхитительно... – с удовлетворением сообщала родственникам в Мичиган Алмира Лотроп. – Можешь представить, как популярна улица, когда на ней стоят дворцы пяти великих князей и на нее выходит Зимний дворец с Эрмитажем»⁴. Обладателями престижного адреса Лотропы стали лишь благодаря собственному немалому состоянию. Жалования посланника на это вряд ли бы хватило, оно было мизерным, а компенсации за аренду и прочие представительские расходы госдепартамент не предлагал. Такая ситуация сохранялась на протяжении всего XIX в. В 1896 г. журнал «Северо-американское обозрение» поместил статью, где госдеп осуждался за невнимание к финансовым нуждам тех, кто направляется на работу в Европу, в частности в Россию. В то время жалование посла США составляло 17 тыс. долл. в год, а британский посол получал 39 тыс., и особняк-резиденцию британская корона предоставляла ему безвозмездно. При столь неравных условиях, отмечалось в «Обозрении», американским дипломатам, не обладающим крупными личными состояниями, сложно представлять державу достойно. Посол США рисковал очутиться в одной компании с латиноамериканцами. «Если он окажется практичным человеком и рачительным менеджером, – говорилось в статье, – то, возможно, не уступит представителям Бразилии и Аргентины. Но вряд ли сможет соперничать с посланником Мексики»⁵.

Дабы не уронить имидж миссии, американцам приходилось проявлять изобретательность, а порой действовать вразрез с представлениями о том, как следует вести себя членам дипкорпуса. Недожинная изобретательность требовалась прежде всего при обустройстве жилья. Супруге Клифтона Брекинриджа, первого представителя США, приехавшего в Петербург в ранге посла, потребовалось более трех месяцев, чтобы наконец-то подобрать квартиру – достаточно большую для приемов и доступную по цене. К несчастью, дом, где находилась эта квартира, стоял на Конногвардейском

² *Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848*. Ed. by Ch. Francis Adams, v. II. Philadelphia, 1874, p. 23.

³ Подробнее см. *Паулсон С. Е.* Дней Александровых нелегкая середина. Луиза Адамс о жизни в Петербурге в 1810–1812 годах. – Новая и новейшая история, 2015, № 4.

⁴ Письма миссис Лотроп. Публикация, перевод с английского и комментарии В. Н. Плешкова. СПб., 2010, с. 65. «На Дворцовой набережной находились дворцы принца А. П. Ольденбургского (д. 2), Константиновский (Мраморный) дворец вел. кн. Константина Николаевича (д. 6), Новомихайловский дворец вел. кн. Михаила Николаевича (д. 18), дворец вел. кн. Владимира Александровича (д. 26) и запасной дом дворца вел. кн. Владимира Александровича (д. 28)». – Там же, с. 136.

⁵ *Chatfield-Taylor H. C.* American Diplomats in Europe. – *North American Review*, v. CLXIII, № 476, 1896, p. 127.

бульваре, который путеводитель по столице характеризовал не слишком лестно: «По вечерам на бульварах (особенно Конногвардейском и Василеостровских) можно видеть на скамейках обнявшиеся парочки и иной раз натолкнуться на сцены не совсем приличные... Были случаи и грабежей на бульваре (такой случай был в сентябре 1892 г. на Конногвардейском)»⁶. Брекинриджи старались «исправить» свой непрестижный адрес, обставив квартиру солидно и с изяществом. Однако средств на приобретение обстановки оставалось мало, и посольская чета, не доверявшая русским дворецким и распорядителям, пустилась в поездки по магазинам. Как и ряд их предшественников по дипмиссии, супруги полагали, что американская предприимчивость поможет им сэкономить, сделав выгодные покупки.

Рассказы дипломатов о покупках представляют собой бесценные свидетельства о торговых и торговых заведениях Петербурга. Не зная ни языка, ни местных обычаев, американцы, однако, надеялись, что сумеют договориться с продавцами. В результате случались курьезы. В 1838 г. посланник Джордж Миффлин Даллас решил купить лошадей для кареты самостоятельно. Но стоило ему вернуться с рынка, как тут же выяснилось, что выбранная им пара гнедых не приучена к упряжи. Следующую пару Даллас проверил. Однако вскоре в представительство явился старичок, сообщивший, что хозяин лошадей он, а приказчик продал их дешево без его согласия. Устроив настоящий спектакль, старичок потребовал огромной доплаты. Даллас понял, что его надувают, и предложил расторгнуть сделку. Старый плут ретировался лишь после того, как ему велели «катиться к черту»⁷.

Как и Даллас, заходя в магазины и лавки, г-жа Брекинридж не скрывала своей принадлежности к дипкорпусу. Когда же она поняла, что при виде посольского экипажа торговцы завышают цены, то стала ездить инкогнито. Хотя Брекинриджи действовали как настоящие конспираторы, иногда их разоблачали самым забавным образом. Однажды супруги отравились в армянскую лавку на нанятых дрожках. Подозрительно оглядев их, хозяин предложил ковер «точно такой, как на прошлой неделе купили посол США и его жена... а у них, как известно, вкус хороший и денег много»⁸. Американцы, у которых денег было в обрез, спешно уехали. А когда вернулись поторговаться, армянин «открыл ящик стола, достал оттуда портрет Клифтона, под которым было указано его имя и звание, и торжествуя протянул его... Кажется, он был очень доволен тем, что разоблачил наш маскарад»⁹. Подобные неудачи г-жу Брекинридж не остановили. В поисках антикварных вещей для резиденции она посещала рынки Петербурга, где жене дипломата появляться не подобало, а во время коронационных торжеств даже побывала на «воровском рынке» в Москве¹⁰. Какой именно рынок имелся в виду, в ее записях не указано. Но любопытен сам факт: ради оформления дипмиссии ее первая леди не гнушалась скупать предметы, происхождения коих могло оказаться весьма сомнительным.

О представительстве того или иного государства судили, конечно же, не только по местоположению и интерьеру посольской резиденции. Важным было и то, как там умеют принимать гостей. Петербург XIX в. был столицей гурманов, там очень ценился изысканный стол, считавшийся одним из серьезных символов статуса. Имея прекрасного повара, особенно повара-француза, человек мог рассчитывать на блестящую репутацию в обществе¹¹. Американские дипломаты это быстро усвоили и старались организовывать у себя приемы, соответствовавшие вкусам местной элиты.

⁶ Светлов С. Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб., 2001, с. 46.

⁷ Dallas G. M. Diary of George Mifflin Dallas While United States Minister to Russia 1837–1839, and to England 1856–1861. Philadelphia, 1892, p. 80–81.

⁸ Частная коллекция писем Кэтрин Брекинридж. Магнолия, Арканзас. — Архив автора (далее — КБ). Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 30 мая 1897 г.

⁹ Там же. Имеется в виду портрет, обнаруженный торговцем в газете.

¹⁰ Там же, Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 19 декабря 1894 г.

¹¹ Лаврентьева Е. В. Культура застолья XIX века. Пушкинская пора. М., 1999, с. 38.

В качестве «изюминки» американцы иногда предлагали гостям и блюда своей национальной кухни. Правда, бывало и так, что вкус этих блюд немало удивлял самих хозяев. Дело в том, что поварам и прислуге, работавшим в Петербурге и абсолютно незнакомым с американской кухней, рецепты давала жена посла, но за исключением Луизы Адамс никто из жен представителей США в России не говорил ни по-русски, ни по-французски. В лучшем случае с поваром и прислужгой они кое-как объяснялись на немецком. В результате исполнители не совсем понимали, чего именно от них ждут. В 1886 г. Алмира Лотроп решила подать гостям тефтели из трески, столь популярные в ее родном Бостоне. «Я думала, что сумела объяснить повару, что такое треска, — пишет миссис Лотроп, — и отдала распоряжение запастись ею. Сегодня утром я попросила показать мне кусок. Батлер вернулся с ломтем соленой осетрины»¹². Свою помощь Алмире предложила знавшая английский г-жа Струве, но ошибок все равно избежать не удалось: вместо кукурузной муки Струве прислала американке кукурузный крахмал.

Заокеанские диковинки, которые предлагались на званых ужинах у дипломатов США, вызывали любопытство всего петербургского света. Приглашения к американцам, особенно на вечера, которые с размахом устраивали посланники побогаче, вскоре приобрели популярность. В 1860-х годах пышные приемы для петербургской знати устраивал Кассиус Маркеллус Клей. В своих мемуарах посланник рассказывал, что светская львица, обойденная его приглашением, могла смертельно обидеться. Однажды он не пригласил к себе в гости Варвару Дмитриевну Римскую-Корсакову — даму, известную как в Петербурге, так и в Европе благодаря не только изумительной красоте, но и роскошным туалетам, фасоны которых она часто придумывала сама. Узнав, что у Клея ее сегодня не ждут, она расценила это как страшный удар по своему репутации и «в порыве отчаяния в клочья порвала платье», приготовленное к вечеру¹³. Клей верно заметил, что жители города на Неве очень ревностно относились ко всему, что касалось их статуса и чина.

Чин для россиян XIX в. был целой вселенной, ибо ему должно было соответствовать всё: стиль жизни, манера поведения, внешний вид человека. Что касается внешнего вида, то тут огромное значение придавалось мундиру, который носили как военные, так и гражданские: появляться в нем считалось престижнее, чем в гражданской одежде. Американские дипломаты оставили любопытные свидетельства о том, как серьезно относились петербуржцы к мундиру и какие проблемы в связи с этим возникали у дипмиссии. Посланник Эндрю Диксон Уайт вспоминал, что во время Крымской войны из США в Петербург приезжали шарлатаны, выдававшие себя за экспертов по военным технологиям и пытавшиеся продать какую-нибудь «новинку».

«Посланнику и его подчиненным, — пишет Уайт, — порой приходилось прилагать весьма серьезные усилия, чтобы удержать этих господ в рамках приличий в их отношениях друг с другом и с русскими властями»¹⁴. Один горе-предприниматель решил воспользоваться военной формой, дабы придать себе солидности. Получив звание полковника милиции в одном из западных штатов, он привез в императорскую Россию мундир генерал-майора. Прогуливаясь по Невскому в генеральском мундире он, правда, сначала не рискнул, поэтому надевал его по частям, вместе с другими вещами из своего гардероба. Нелепый вид моментально сделал его в глазах петербуржцев скоморохом. Вскоре американец заметил, как красиво отдают честь проходящим мимо генералам часовые столичных караулов. Нарядившись наконец в свою генеральскую форму, он начал прохаживаться мимо караулов, с удовольствием наблюдая, как приветствуют его солдаты на посту. По свидетельству Уайта, теперь петербуржцы смотрели на скомороха с отвращением. Своим поведением он низводил генеральское

¹² *Lothrop A. The Court of Alexander III. Philadelphia, 1910, p. 88.*

¹³ *Clay M. C. Memoirs, Writings and Speeches, v. I. Cincinnati, 1886, p. 439.*

¹⁴ *White A. D. Autobiography of Andrew Dickson White, v. II. New York, 1906, p. 456.*

звание и мундир, а также почести, положенные настоящему генералу, до уровня «комической оперы»¹⁵.

Вопрос о мундире не раз возникал и в связи со статусом самого посла. Его коллеги из других стран являлись к царскому двору, блистая эполетами. У американской же дипломатической службы собственной формы не было, главы дипмиссий США и их сотрудники ходили в гражданском платье. Жены тех, кто работал в Петербурге, отмечали, что на официальных мероприятиях американцы смотрелись крайне невыгодно, а Кассиус Клей жаловался, что «даже русская прислуга одевается лучше»¹⁶. Не желая выглядеть «до смешного эксцентричным», он воспользовался тем, что в Мексиканскую войну был боевым офицером и имел награды за проявленную храбрость. От Конгресса США ему удалось добиться разрешения носить при царском дворе мундир генерал-майора¹⁷. В 1896 г. в связи с коронацией Николая II к Конгрессу обратился и Клифтон Брекинридж. Правда, он просил не о военном мундире, а о том, чтобы на торжествах в Москве ему позволили заменить длинные брюки на короткие — до колен, надевавшиеся с шелковыми чулками. Просьба была удовлетворена. Российские знатоки стиля высоко оценили внешний вид посла США. Впрочем, долго радоваться ему не пришлось. Американская пресса осудила его за готовность следовать аристократической моде, язвительно вопрошая, зачем это посол США явился на коронацию «в костюме для езды на велосипеде»¹⁸.

Тем, что надеть для выезда ко двору, были сильно обеспокоены и жены дипломатов. В столице Российской империи являться на придворные мероприятия в одном и том же туалете считалось плохим тоном. Особенно строго за этим следила вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Александра I, считавшая, что двор российского монарха должен быть великолепен, и не гнушавшаяся вразумлять тех, чей внешний вид не отвечал ее ожиданиям. Дело доходило до того, что императрица могла прилюдно отчитать даму, приехавшую в платье, которое уже надевала. Американкам, стесненным в средствах, приходилось изобретать всевозможные предлоги, чтобы время от времени пропускать официальные приемы. Чаще всего они ссылались на плохое самочувствие. В Петербурге с его сырым, холодным климатом к болезням относились с пониманием, однако если уж дама «заболела», то лучше ей было соблюдать конспирацию и из дома не выходить. Мария Федоровна, отлично осведомленная обо всем, что происходит в Петербурге, могла разгневаться и в следующий раз не пригласить обманщицу ко двору.

Иногда находчивые американки объявляли, что они в трауре, а наиболее предприимчивые из них перешивали свои туалеты. Г-жа Брекинридж частенько меняла на платьях рукава и форму выреза горловины. Как то раз она даже умудрилась отправиться во дворец в головном уборе-веночке, сделанном из чулка, к которому прикрепила искусственные цветы¹⁹. Чулок, считала она, был не очень заметен и все выглядело достойно.

Однако случались такие времена, когда к туалетам для дворцовых приемов относились по-другому. Так было в 1870-е годы, под влиянием русско-турецкой войны. Лично выехав на фронт, цесаревич Александр Александрович был потрясен кровавой бойней. Жене в Петербург он писал, что при тех страданиях, которые война приносит народу, привычная роскошь двора неуместна²⁰. Солидарная с мнением супруга, Ма-

¹⁵ Ibid., p. 457.

¹⁶ Clay M. C. Op. cit., p. 329.

¹⁷ Ibidem. По российским традициям бывший военный имел право надевать ко двору свой старый мундир — соответствующий званию, в котором он вышел в отставку. Клей закончил военную карьеру полковником. Решение Конгресса дало ему возможность появляться при дворе в более солидном, нежели полковничий, мундире.

¹⁸ Ambassador Breckinridge. — The Washington Post, 27.V.1896, p. 6.

¹⁹ КБ, Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 29 декабря 1895 г.

²⁰ Кудрина Ю. С высоты престола. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. М., 2013, с. 90–91.

рия Федоровна (Дагмар) стала регулярно появляться на официальных мероприятиях в платьях, которые уже надевала. Ее примеру сразу же последовали дамы дипкорпуса. Алмира Лотроп, приехавшая в Петербург через несколько лет после окончания войны, с симпатией отзывалась о новшествах Дагмар, ставшей к тому времени императрицей.

Выезжая ко двору или в свет, дипломаты должны были не только выглядеть соответственно, но и вести себя согласно правилам этикета. Американцам же, кроме тех, кто ранее служил в Европе, придворный этикет был незнаком. Они совершали ошибки, то забавлявшие, то пугавшие русских и зачастую нарушавшие сценарий торжеств и церемоний. Воспоминания американских дипломатов любопытны именно тем, что содержат не формально парадное описание придворных мероприятий, а рассказы о нестандартных ситуациях, случившихся накладках, казусах, например, о неловкости, не раз возникавшей тогда, когда представители миссии США беседовали с императором. Они обращались к нему первыми и свободно задавали вопросы. По традиции монархического государства такое было неприемлемо. Поскольку досадная ошибка повторялась неоднократно, в книге – путеводителе по России, написанной в 1848 г., бывший секретарь миссии Джон С. Максвелл объяснял соотечественникам: нельзя инициировать разговор с царем, так же как и задавать ему вопросы²¹. Сюзерен решал сам, достоин кто-либо его внимания или нет.

На подобные огрехи со стороны дипломатов США при дворе, правда, не обижались, ибо злых умыслов у американцев, безусловно, не было. В 1849 г., однако, произошел неприятный, скандальный случай, виновником которого стал посланник Артур Бэгби. По иронии судьбы, сотрудники миссии США возлагали большие надежды на его приезд в Россию: увидев живописный портрет Бэгби, секретарь представительства Колин Ингерсолл решил, что тот похож на патриция и при императорском дворе будет выглядеть органично, «словно римский сенатор»²². Ожидания не оправдались. Бэгби страдал алкоголизмом и часто плохо себя контролировал. Из Петербурга домой он писал горькие письма, жалуясь на безденежье и одиночество. Город на Неве его раздражал: климат там был ужасен, а «привычки людей еще хуже, чем климат»²³. Раздражение Бэгби выплеснулось на празднике Богоявления, где он повел себя неадекватно. Сначала Бэгби нагрубил иностранным послам, пожелавшим ему представиться, а затем, когда дипломатов пригласили пройти на праздничную трапезу, громогласно заявил, что в его стране «за королевским столом не едят», и демонстративно покинул дворец²⁴. С подачей его кареты замешкались, и американец вновь разразился потоком ругательств. «До смерти напуганному» Ингерсоллу пришлось ретироваться вслед за начальником, а потом ездить по знакомым, извиняясь за случившееся²⁵. Международного скандала удалось избежать, однако в Петербурге Бэгби не задержался, и самые нелестные слухи о нем еще долго ходили и в российской столице, и в США, и даже в Лондоне.

Прием у царя мог оказаться роковым и для того американского дипломата, который, напротив, чересчур старался тщательно соблюсти все правила придворного этикета. В 1830 г. такая участь постигла Джона Рэндолфа, приехавшего в Петербург после многих лет службы в Конгрессе США и зарекомендовавшего себя как человек прин-

²¹ Maxwell J. S. *The Czar, His Court and People: including a Tour of Norway and Sweden*. Whitefish (MT), 2006, p. 147.

²² The Correspondence of James McNeill Whistler. Glasgow University Library. Anna Matilda Whistler – James McNeill Whistler, February 19, 1849. – http://www.whistler.arts.gla.ac.uk/correspondence/people/display/?rs-3&nameid-Bagby_Mr&sr-0&initial-b

²³ Arthur P. Bagby Letters. – Alabama Department of Archive and History. Arthur P. Bagby – Ann Elizabeth Bagby, November 1848. – <http://digital.archives.alabama.gov/cdm/ref/collection/voices/id/5622>

²⁴ Correspondence of James McNeill Whistler. Anna Matilda Whistler – James McNeill Whistler, January 7, 1849.

²⁵ Ibidem.

ципиальный, а также блестящий, хоть и несколько эксцентричный оратор²⁶. Назначение в Петербург Рэндолф воспринял серьезно, видя в нем финальный аккорд своей публичной деятельности: он был болен туберкулезом и, зная, что жить ему осталось недолго, хотел, чтобы его миссия в России оставила по себе добрую память²⁷. К официальному представлению Николаю I, а затем Александре Федоровне он подготовился, продумав все детали. Строгий костюм был сшит «из лучшего черного материала, который можно было достать в Лондоне». За образец взяли стиль Талейрана, носившего платье простого, но идеального покроя²⁸. Перед аудиенциями у августейших особ Рэндолф встретился с опытным царедворцем графом Ливеном, который заверил его, что Николай I не ожидает от американца верноподданнических жестов, коими приветствуют монарха жители империи: «Его Величество Император примет вас так, как один джентльмен принимает другого»²⁹.

По утверждениям посланника, его встречи с царем и царицей прошли в полном соответствии с протоколом. И Николай I, и Александра Федоровна были любезны. Приветствовал и прощался с ними американец обычным для дипломатов поклоном³⁰. Рэндолф остался доволен собой: человеку, страдавшему смертельным недугом, только что перенесшему морское путешествие и лихорадку, первый дипломатический успех стоил больших усилий. На беду, радостью по поводу собственного успеха он бурно поделился с новыми знакомыми, и по Петербургу разнесся слух, будто бы посланник США ослеплен великолепием царского двора и столицы, якобы он настолько проникся монархическим духом, что на представлении Александре Федоровне встал перед ней на колени³¹.

Вернувшись в США в связи с обострением болезни, Рэндолф, к своему ужасу, обнаружил, что его политические оппоненты подхватили этот слух, украсив его новыми подробностями. Напрасно он возмущался, напрасно его защищал секретарь миссии в России Джон Рэндолф Клей. Даже после смерти Рэндолфа журналы с удовольствием тиражировали легенду о том, как впечатленный императорским Петербургом, он явился к царице разряженный, словно павлин, и бухнулся ей в ноги³².

Жизнь в Петербурге приучала американских дипломатов следить не только за собственными словами, но и за поведением слуг, привезенных из США. То, что слуги по неосторожности могут подпортить отношения миссии с властями, стало очевидно еще с начала ее работы при Дж. К. Адамсе. Александр I был очень недоволен критикой в свой адрес, которая содержалась в письме няни Адамсов Марты Годфри близким в США³³. Так американцы узнали, что тайны переписки в России не существует, а за ними приглядывают куда серьезнее, чем они надеялись.

О российской цензуре в мемуарах американцев содержится немало сведений. Джордж Миффлин Даллас, работавший в России в 1830-х годах, вспоминал, что вскрытие почты дипломатов производилось довольно цинично, и в качестве примера приводил инцидент со шведским посланником. Пакет с депешами, полученный тем из Стокгольма, в Петербурге был распечатан, а затем заклеен сургучной печатью министра иностранных дел Голландии. Швед пожаловался, но российский чиновник лишь воскликнул в ответ: «Такого не может быть!»³⁴. В подобные ситуации попадали

²⁶ *Oeste G. I.* John Randolph Clay: America's First Diplomat. Philadelphia, 1966, p. 53.

²⁷ *Ibid.*, p. 52.

²⁸ *Collected Letters of John Randolph of Roanoke to Dr. John Brockenbrough 1822–1833.* Ed. by K. Shorey, foreword by R. Kirk. New Brunswick, 2015, p. 144.

²⁹ Цит. по: *Ibidem.*

³⁰ *Oeste G. I.* *Op. cit.*, p. 74–75.

³¹ *Ibid.*, p. 76–77.

³² *Ibidem.*

³³ *Adams L. C.* The Adventures of Nobody. Diary and Autobiographical Writing of Louisa Catherine Adams. V. I. 1778–1815. Ed. by J. Graham et al. Cambridge (Mass.), 2013, p. 332.

³⁴ *Dallas G. M.* *Op. cit.*, p. 179.

и главы других дипмиссий. «Один посланник, — пишет Даллас, — лично пожаловался графу Нессельроде на то, что получил по почте пакет с депешами, которые были мятыми, рваными и явно вскрытыми. Граф холодно заметил: “Должно быть, все делали небрежно. Я распоряжусь, чтобы впредь такой беспечности не было”»³⁵.

Рассказы коллег о подобных происшествиях доходили и до членов семей дипломатов. Домочадцы Далласа были так напуганы ими, что даже в собственной резиденции не ощущали себя свободно, подозревая в шпионаже русских слуг. Однажды, по словам посланника, его семья пережила «истинный ужас». Г-жа Даллас написала матери письмо, где содержался негативный отзыв о Николае I. Отвлечшись на что-то, она оставила письмо в ящике стола, а вечером не нашла его там. Посланник решил, что «источником проблемы являются полиция и ее соглядатаи», и рассмотрел кандидатуру каждого слуги на роль шпиона³⁶. К счастью, прежде, чем устроить разбирательство, американцы обыскали весь дом. «После того как, думая о возможных последствиях и... роаясь везде, где только можно, мы довели себя до горячечной лихорадки», письмо нашлось: оно приклеилось к стенке стола³⁷. Тревога оказалась ложной. Однако теперь посольские взяли себе за правило никогда ничего лишнего не записывать на бумаге. Анализируя случившееся, Даллас пришел к парадоксальному выводу: око царской полиции вряд ли было столь уж вездесущим³⁸. Рассказывая о реальных эпизодах столкновения с цензурой, иностранцы в результате запугивали друг друга, а напугавшись, усматривали происки полиции там, где их не было вовсе. Ограничивая себя в беседах и переписке, они таким образом становились цензорами самим себе.

Печальной жертвой подобного самовнушения оказался посланник Нил Браун, прибывший в Петербург в 1850 г. Возмущенный николаевской цензурой, он решил бороться с ней, отсылая всю свою корреспонденцию в США в зашифрованном виде. Судя по письмам его секретаря Эдварда Райта, Браун опасался, что полицейский произвол не ограничивался только лишь цензурой, но при этом сильно преувеличивал возможности Третьего отделения. Посланник уверял, что Петербург просто кишит шпионами, что там «даже птички не чирикают — из страха, что полиция швырнет их в негашеную известь»³⁹. Браун изолировал себя от петербургского общества, официально объясняя это нелюбовью к светским раутам. Райт вспоминал, что вид его начальника, одиноко мерившего шагами квартиру, настраивал на «философские размышления об иллюзорности человеческого величия»⁴⁰. Страхи Брауна переросли в паранойю — он подозревал абсолютно всех и вся, твердил, что за ним ведется постоянная слежка. Современный российский исследователь И. И. Курилла изучил архивные документы Третьего отделения, но подтверждений тому, что за посланником следили, не обнаружил⁴¹.

Трудности, с которыми сталкивались дипломаты, не всегда побуждали их к тому, чтобы отгородиться от участия в жизни столицы. Некоторые представители США даже занимались благотворительностью. В конце XIX в. посольские американки установили опеку над приютом для младенцев, который открыли шведские медсестры Грюндберг и Венберг⁴². Кроме прямой финансовой помощи американки шили одежду для малышей, работали волонтерами, а в 1895 г. устроили ярмарку-распродажу, вы-

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid., p. 29–30.

³⁷ Ibid., p. 30.

³⁸ Ibidem.

³⁹ *Wright E. H.* Letters from St. Petersburg, 1850–1851. — Proceedings of the New Jersey Historical Society, v. LXXX, № 2, April 1964, p. 78.

⁴⁰ Ibid., p. 77.

⁴¹ *Shewmaker K. E.* Neill S. Brown's Mission to Russia, 1850–1853. — Diplomacy and Statecraft, v. 12, № 4, December 2001, p. 98.

⁴² *Breckinridge M.* Wide Neighborhoods: A Story of the Frontier Nursing Service. Lexington (KY), 1981, p. 12.

ручка от которой пошла на содержание приюта. После успеха этой акции жена посла Брекинриджа Кэтрин вместе с женой британского посла г-жой Лассель, а также пастором Англо-американской церкви Александром Фрэнсисом организовала инициативную группу для проведения ярмарки в пользу уволенных и больных гувернанток. Идея была поддержана другими посольствами, а Фрэнсису, имевшему в Петербурге обширные связи, удалось привлечь к этой акции внимание царской семьи.

Ярмарка прошла в декабре 1895 г. под личным патронажем государыни Александры Федоровны. Она освещалась в российской и зарубежной прессе как первое благотворительное мероприятие с участием молодой императрицы. Переписка Брекинридж содержит ценные подробности об этом событии. Киоски стран-участниц, оформленные в национальных традициях, были установлены в Эрмитаже. В качестве товаров, предлагавшихся на продажу, большинство посольств предоставили сувениры и предметы роскоши. Г-же Брекинридж очень понравились сувениры из Греции, Турции и Японии. Предметами роскоши ее удивила Италия. Американское же посольство решило продавать недорогие, но практичные вещи, и помощь ему в этом оказал предприниматель Исидор Штраус, приславший товары из знаменитого нью-йоркского магазина «Мейсис»⁴³. Груз оказался настолько большим, что в его приеме были задействованы все сотрудники миссии. Сортировал ящики сам посол. Успех киоска США превзошел все ожидания. Товары из «Мейсис», в особенности надежные карманные часы, разошлись моментально. Не менее популярными стали консервированные фрукты и овощи, пришедшиеся к рождественскому столу как нельзя кстати⁴⁴.

Делегация США отличилась и во время приезда на ярмарку Александры Федоровны. По плану мероприятия, государыне полагалось останавливаться в каждом киоске и беседовать с его строителями. Однако Кэтрин Брекинридж сразу заметила, что все пошло не так, как намечалось. В зале с большим скоплением людей «Ее Величество была так испугана, что вряд ли понимала, что делает»⁴⁵, и мимо первых киосков прошла не задерживаясь. Американка решила спасти ситуацию. «Американцы бросаются туда, куда европейцы боятся ступить, — писала она, — и нам в отличие от людей, выросших при дворе, правила этикета никогда не кажутся столь непререкаемыми, как законы мидян и персов»⁴⁶. Наперекор правилам, Брекинридж обратилась к царице, приглашая ее взглянуть на товары. После радушного приема в киоске США Александра Федоровна успокоилась и благополучно посетила остальные. По завершении ярмарки, прошедшей с успехом и собравшей солидную выручку, Кэтрин Брекинридж получила приглашение на аудиенцию к государыне, пожелавшей выразить благодарность посольству за его благотворительную деятельность⁴⁷.

* * *

Рассмотрение воспоминаний и писем американских дипломатов и членов их семей показывает, что специалисту по истории Петербурга XIX в. они послужат источником сведений, касающихся довольно обширной тематики, включая в себя множество бытовых, колоритных подробностей, важных для историков повседневности. Кроме того, в них описаны местные традиции, а также правила поведения в петербургском обществе и при дворе, подчас ставившие в тупик граждан республики. Свидетельства американцев — полезный источник и для историка, желающего взглянуть на непарадную сторону жизни российского императорского двора и высшего света. Отдельного внимания заслуживает работа дипмиссии США в сфере благотворительности, которая, безусловно, является интересной страницей в истории Санкт-Петербурга и российско-американских отношений.

⁴³ КБ, Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 15 сентября 1895 г.

⁴⁴ Там же, Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 6 января 1896 г.

⁴⁵ Там же, Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 29 декабря 1895 г.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, Кэтрин Брекинридж — Сюзанне Престон Лиз, 21 января 1896 г.